

Павел Гусев: «Мы работаем не для начальников»

П.Н. Гусев. Заслуженный работник культуры России, член президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека и Председатель Союза журналистов Москвы.

В его приёмной со стены сурово смотрит Лаврентий Берия, а кабинет наполнен фотографиями и бюстами Ленина, Ельцина и прочих вождей.

Но хозяин кабинета – вовсе не насупленный «вождист», и бюсты-портреты Больших Начальников тут, что называется, с намёком.

А ещё здесь много книг, сувениров и охотничьих трофеев, потому что охота и рыбалка – давняя страсть нашего собеседника, руководящего выпуском нескольких десятков газет и журналов с общим тиражом 50 миллионов экземпляров, и читают эти газеты и журналы в России, Европе и за океаном. Все эти издания – его любимые детища, но «Московский комсомолец» 37 лет назад стал главным делом жизни.

А ещё наш собеседник – заслуженный работник культуры России, член президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека и Председатель Союза журналистов Москвы.

– Павел Николаевич, вы родились в семье, далёкой от журналистики: отец – военный переводчик, работа мамы была связана с театром, да и по специальности вы – геолог, ездили в экспедиции, учились в аспирантуре. И вдруг – такой крутой поворот...

– «Крутых поворотов» в моей жизни хватало. В 1975 году я был первым секретарём Краснопресненского райкома ВЛКСМ, но довольно рано начал печататься, появились публикации в дементьевской «Юности», и, может быть, это поспособствовало тому, что в 1983 году я стал главным редактором «Московского комсомольца». Тогда же учился в Литературном институте, который окончил в 1986 году. Институтскую дипломную комиссию возглавлял Андрей Дементьев, и позже «кусочек» из моей дипломной работы по дневникам Пришвина даже опубликовали в «Юности».

– Вы послужили прототипом первого секретаря Краснопролетарского районного комитета ВЛКСМ в повести Юрия Полякова «ЧП районного масштаба». Как это получилось?

– Получилось очень просто. С Юрием Поляковым мы дружны и сейчас, а познакомились ещё с комсомольских времён, он был членом бюро Краснопресненского райкома, а я – первым секретарём, так что общаться приходилось часто. Как-то Юра позвонил, сказал, что пишет книгу о комсомоле, и пригласил меня в писательский Дом творчества. Я приехал, два дня разговаривали за рюмкой чая, я рассказывал о «нюансах» комсомольской жизни, Юра слушал – а потом написал книгу, по которой позже был поставлен фильм.

Вот так я и стал «прототипом», хотя меня в поляковском герое очень мало, это скорее собирательный образ комсомольского функционера времён позднего застоя, а что-то «додумал» уже сам Поляков.

– Описывая ваш приход в «МК», газета «Солидарность», которую тогда выпускал Андрей Исаев, писала, что «в то время важнейшим достоинством главного редактора, выходца из номенклатуры, было

умение не мешать журналистам делать газету, и этим искусством Гусев обладал». По-моему, это закон для любого умного главного редактора – не мешать журналистам делать газету...

– Безусловно. Журналист должен сам находить тему, он должен уметь подать её читателю, а главное – должен быть готов отвечать за каждое слово в своей статье. Здесь не может быть никакого диктата, на первом месте стоит ответственность журналиста перед читателем. «МК» – это, как сейчас говорят, бренд, у нас печатал свои первые рассказы Шолохов, у нас выросли и работали замечательные журналисты, которыми гордится весь наш профессиональный цех, и, конечно, мы дорожим добрым именем газеты. А доброе имя – это когда нам доверяют. И доверяют нам потому, что мы работаем не на начальников, мы работаем для читателей.

– А вы перед подписанием номера читаете всё, что публикуется в «МК»?

– Я читаю процентов восемьдесят всех материалов, за исключением «официоза». Но я не указываю журналистам, о чём писать или не писать, не заставляю их изменить личную позицию. Хочу только, чтобы всё было на самом высоком профессиональном уровне. Не должно быть корявого языка, фактических неточностей и откровенных ляпов, а главное – не должно быть лжи. Ошибаться журналист может, он же живой человек, но лгать – никогда. И предавать – никогда. Скажу прямо, приходилось расставаться с недобросовестными журналистами, предавшими свою газету. Это было трудно, это было неприятно, но мы не могли работать рядом с такими людьми.

– Знаю, что вы – строгий главный редактор, способный устроить такой разнос, что мало никому не покажется. А если вдруг выясняется, что ошибались, – можете признать свою ошибку перед подчинённым, которому от вас досталось «не по делу»?

– Могу сгоряча наговорить всякое, но если потом выясняется, что был не прав, – конечно, не считаю зазорным признать свою

ошибку и извиниться перед человеком. Такое бывало, и не раз.

– Говорят, вы горой стоите за своих журналистов?

– А как же иначе? Бывает, звонят, требуют наказать, уволить автора «неправильного» материала. Я в таких случаях говорю: «Вы видите, чья подпись стоит в конце каждого номера? Гусева. Вот с Гусева и спрашивайте, а с журналистом, если он наломал дров, мы сами в редакции разберёмся». За всё, что происходит в газете, отвечает главный редактор, и негоже прятаться за спины подчинённых.

– Через девять лет после вашего прихода, в самом начале 1990-х, «МК» стал одной из популярнейших газет страны. В чём тут секрет?

– А я вам только что этот «секрет» открыл – газета должна работать на читателя, а не на «вышестоящих-вышесидящих». Через два месяца после моего прихода из «МК» уволились где-то пятнадцать журналистов. Им не понравилось, что теперь газета должна ориентироваться на читателей, а не на «указивки» сверху. Ушли привыкшие работать «под начальством», остались умевшие разговаривать с читателем. Вот и весь «секрет» популярности «МК» и в девяностые годы, и сегодня. Правда, был ещё один «секрет». Если помните, в конце восьмидесятых на Тверском бульваре стояли стенды с газетами. Я приходил, садился на лавочку и смотрел, какие материалы особенно интересны прохожим-читателям. Вот так ходил я туда, а потом собирал редакцию, и мы разбирались, отчего это одну статью зачитывают до дыр, а на другую и не смотрят. Значит, надо, чтобы все материалы были интересны людям. И так, повышая «читабельность», повышали тираж.

– А правда, что в перестроечные времена вам советовали изменить название газеты? Всё-таки слово «комсомолец» нравилось не всем?

– Действительно, такие разговоры шли и в самой редакции, причём тогда у нас уже был «тиражный пик». Я собрал коллектив

и сказал: да, мы можем сменить название и станем каким-нибудь «Молодёжным курьером». И что? Сразу рухнут наши тиражи. Кто будет читать «Молодёжный курьер», если все привыкли к «Московскому комсомольцу»? Ну давайте изменим название, а к нему припишем «бывший «Московский комсомолец» – так, что ли? В общем, тогда решили оставить старое название, и не ошиблись.

– Насколько сказалась коронавирусная пандемия на работе «МК»? Есть потери?

– Если говорить о финансовой стороне, печати тиража, доставке, распространении – да, потери ощутимы, хотя и не смертельны для нас. А вот если говорить о творческой стороне дела, то работа на удалёнке была даже на пользу. Ребята, оказавшись вне стен редакции, вдруг стали писать лучше, интереснее, нашлось немало тем, раньше «проплывавших» мимо журналистского внимания. Не знаю, с чем это связано, – может быть, в редакции можно было как-то расслабиться, сходить попить чайку-кофейку, пообщаться с друзьями-коллегами, а дома, на самоизоляции, оставалось только работать. Так что в творческом отношении мы выиграли.

– С января 2006 года вы возглавляли Комиссию Общественной палаты РФ по поддержке СМИ как основы гражданского общества, обеспечению свободы слова и доступа к информации. А может быть реально независимое СМИ?

– Стопроцентно независимых средств массовой информации не было, нет и не будет. И я имею в виду не только финансовую или идеологическую зависимость. Любое СМИ должно подчиняться законам страны, в которой это СМИ работает. Любой журналист должен подчиняться правилам профессиональной этики. Другое дело, что журналист не должен работать под административным, финансовым или иным «прессом». Посмотрите, на журналистов давят всеми возможными способами, от попыток подкупа до прямых угроз, доходит и до избиения непокорных... Мы в Союзе журналистов Москвы собираем факты давления на СМИ и в центре, и в регионах и не просто «мониторим», а принимаем меры, чтобы таких безобразий не было. Иногда дело ограничивается одним

звонком, иногда просим подключиться правоохранителей. Увы, за последние годы никого не привлекли к ответственности за давление на прессу.

– Недавно на сайте СЖМ появилась статья Леонида Млечина, он утверждает, что журналистику убили Google, Facebook и прочие сетевые монстры. И что, в конце концов, «бумажные» СМИ вообще исчезнут, а журналистов сменят блогеры?

– Не думаю, что «бумажные» СМИ исчезнут. И блогеры журналистов не заменят, это совершенно разный уровень профессионализма. Да, соцсети – уже информационная реальность. Но это не профессиональные СМИ, где журналисты, прежде чем давать информацию, проверяют и перепроверяют её, потому что чувствуют ответственность за свои слова. У блогера такой ответственности нет, он действует как акын, по принципу «что вижу – о том и пою», никакого серьёзного анализа тут не ждите. Для блогера главное – сбор «лайков», и чем неправдоподобнее, но зато «ярче» информация – тем лучше. Это, конечно, не журналистика. Журналистами могут быть только единицы блогеров, а вот журналист может быть блогером, я это говорю на примере многих наших ребят, ставших и успешными «сетевиками». Конечно, нельзя отвергать соцсети как таковые. И на президентском совете по СМИ я не раз говорил, что мы должны обращать на них особое внимание, присутствовать там, системно работать в этом сегменте, имеющем огромное влияние на умы людей.

– Вы давно возглавляете Союз журналистов Москвы, и потому не могу не спросить – как сегодня чувствует себя московская журналистская организация?

– Самочувствие у нашей организации хорошее. Сейчас в СЖМ входят более 15 тысяч сотрудников телевидения и радио, информационных агентств, газет и журналов, издательств, преподаватели журфаков МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, РУДН, Военного университета Минобороны. Это представители более 260 журналистских организаций. Сделано немало, и в этом огромная заслуга нашей журналистской «мамы» – секретаря СЖМ Людмилы

Васильевны Щербины, энергии и работоспособности которой мог бы позавидовать и иной молодой журналист. У нас состоит на учёте 8 тысяч ветеранов журналистики, и, конечно, мы о них не забываем – тут и материальная помощь, и Медицинский центр, и организация праздников. Мы предлагаем ввести и надбавки к пенсиям нашим академикам – их всего 35 человек, и каждый внёс огромный вклад в развитие российской журналистики. В этом году мы выпустили книгу о журналистах-фронтовиках, продолжаем сбор средств на сооружение в Москве памятника журналистам, погибшим при выполнении профессиональных обязанностей. В планах – создание национального музея российской журналистики, к этой работе привлечём и ветеранов, и студентов журфаков МГУ, МГИМО, РУДН, ряда других вузов. Пока в мире есть только один такой музей, в Вашингтоне, но уверен, наш будет лучше. Конечно, мы активно участвуем в фестивалях и выставках прессы, но, увы, в этом году 29 августа из-за пандемии не будет традиционного фестиваля на Поклонной горе...

– У СЖМ есть ещё и уникальный проект «Бастион» – курсы для журналистов, работающих в горячих точках и в зонах техногенных катастроф?

– Мы начали эту работу в 2006 году, сейчас будет уже юбилейный, двадцатый поток. Курсы должны пройти с 13 по 20 сентября под Нижним Новгородом, в воинской части в посёлке Мулино. Занятия проводятся в полевых условиях, с моделированием реальных кризисных ситуаций, перед слушателями выступают специалисты ФСБ, НАК, МВД, Минобороны, МЧС, Росгвардии, МЧС, МИДа, Роспечати, военные медики, мастер-классы проведут известные журналисты. Кстати, ни один журналист, прошедший «Бастион», не пострадал в горячих точках, и, даст Бог, так будет и впредь.

– Вы упомянули горячие точки, и тут нельзя не вспомнить Украину. В мае 2016 года Пётр Порошенко включил вас в украинский санкционный список, вам запрещён въезд в эту страну. За что они вас так?

– За то, что во время «русской весны» я побывал в Крыму. Если честно, сегодня я уже не так внимательно слежу за событиями на Украине – к сожалению, эта страна всё больше погрязает во внутренних склоках, да и русофобии там не поубавилось.

– Наград и регалий у вас хватает, и все, конечно, важны, и всё же, какая самая- самая?

– Любая награда греет сердце, но, пожалуй, «самое-самое» для меня – подписанный Борисом Ельциным 26 января 1998 года указ о присуждении мне звания заслуженного работника культуры России. Это признание государством и обществом моего скромного вклада в нашу культуру было очень важно для меня тогда, важно и сегодня.

– Кого из ушедших или ныне живущих землян вы назвали бы великим человеком?

– Знаете, хотел назвать Петра I, реформатора, прорубившего «окно в Европу», но ведь и прорубал он это «окошко» самыми дикими, варварскими методами. Не люблю этого слова – «кумир», но моими настоящими кумирами были и остаются великий художник и замечательный человек Илья Глазунов и Юрий Лужков, сделавший, казалось бы, невозможное в самые сложные для нашей страны годы, при нём Москва начала приобретать уже привычный для нас облик современного мегаполиса. Очень хорошо знал обоих, искренне уважаю этих людей. С Глазуновым мы часто встречались, говорили, бывало, целыми ночами обо всём – об искусстве, о художниках, о политике, о жизни... Однажды Илья Сергеевич пригласил меня в свою уникальнейшую библиотеку, где были собраны выпущенные на Западе воспоминания русских эмигрантов. И вот тогда я впервые по-настоящему ощутил то, что называется «прикосновением к Истории», увидел, каких людей потеряла Россия, и это было для меня потрясением. Очень уважаю и Сергея Шойгу, сумевшего с нуля создать лучшую в мире систему борьбы с чрезвычайными ситуациями, а потом буквально за несколько лет построившего мощнейшую армию, которой сегодня доверяют более 90 процентов россиян. А ведь ещё в начале

девяностых армия была в полном раздразе и само слово «военный» было чуть ли не ругательным...

– Вы увлекаетесь бильярдом, охотой и гольфом. Последнее – дань модному увлечению?

– Я бы не сказал, что на Руси гольф – такое уж модное увлечение, у нас этим видом спорта регулярно занимается, может, пара тысяч человек, да и полей хороших раз-два и обчёлся. Это в Англии на каждом шагу поле, играют и миллионеры, и пенсионеры. Я как-то за границей попробовал – понравилось, и «заболел» гольфом. Вообще, люблю активную жизнь на природе, ещё со времён геологических экспедиций, когда приходилось одну смену работать коллектором, а другую – кашеварить...

– Так вы что, и готовить умеете?!

– А я всегда и готовлю. Спросите моих друзей, они вам расскажут, какой у Гусева венгерский гуляш! Есть у меня один рецепт, но не скажу.

– Ладно, держите ваш рецепт в секрете, но уж интересную историю рассказать можете? Говорят, у каждого заядлого охотника есть своя фирменная байка...

– Если вы меня как охотника спрашиваете, расскажу, но не байку, а вполне реальную историю. Было это в Африке, в Танзании. Объявился в тех краях здоровенный лев, настоящий террорист, все окрестные деревни от него страдали: то скот утащит, то на людей нападёт. Мы как раз приехали на сафари, и вот местные попросили избавить их от этого хулиганистого льва. Сидим ночью в простом шалашике посреди саванны – и слышим львиный рык. Людей, значит, лев почуял, к нам идёт. А в саванне куда спрячешься? И тут – страх навалился, или не страх это был, а прилив адреналина в момент опасности, не знаю. А парнишка шестнадцатилетний, из местных, который нас сопровождал, руку мне на плечо положил и шепнул: мол, успокойся – и тебе не будет страшно. Я тогда подумал: что же

я, здоровенный седой бородатый дядька, какого-то льва испугался, если даже этот пацан его не боится? И – ушёл страх. Застрелили мы льва, и местные жители нас очень за это благодарили. Вот такая история.

– В вашей жизни хватало по-настоящему трудных моментов. Что вы говорите себе, когда, кажется, всё против вас и ситуация безвыходная?

– Я говорю себе, что безвыходных ситуаций не бывает и надо собраться, надо работать – тогда и выход отыщется. А сидеть и хныкать, какой я хороший да какие все вокруг плохие, – это не моё.

– Чего вы никогда и никому не простите?

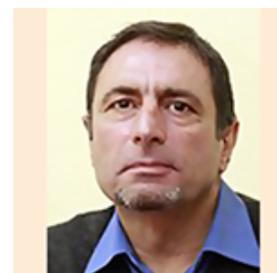
– Предательства.

– От чего бы вы сегодня, с высоты вашего жизненного опыта, предостерегли и ваших детей, и поколение «младое, незнакомое»? Что посоветовали бы?

– Сказал бы – живите по правде и не обманывайте сами себя. Не бойтесь признаться в том, что вы чего-то не знаете, – постоянно развивайтесь, узнавайте новое и не стесняйтесь попросить совета или помощи у других. Плохо не незнание – плохо нежелание знать.

Я не знаю многого, и с компьютером тоже не на «ты», но ничего зазорного в таком признании нет.

Главное – не обманывать самого себя, точно знать, кто ты и чего хочешь. И ещё: никогда нельзя считать окружающих хуже себя – может оказаться и так, что каждый из них может что-то делать лучше, чем ты. Вот и учись этому лучшему – умнее станешь.

Беседовал
Григорий Саркисов

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**

